

Трансформация политического субъекта в условиях глобализации

О. Н. Голышева¹, О. А. Останина²

¹аспирант кафедры культурологии, социологии и философии, Вятский государственный университет. Россия, г. Киров. E-mail: golyshevaolya@gmail.com

²доктор философских наук, профессор кафедры культурологии, социологии и философии, Вятский государственный университет. Россия, г. Киров. E-mail: oa.ostanina@yandex.ru

Аннотация. Процессы глобализации сопровождаются изменениями всех сфер общественной жизни, в том числе политической. Происходит перегруппировка политических акторов, меняется структура и состав политического субъекта. Проблема, которая нас интересует: каковы основания политики и политического субъекта и как они проявляются в условиях глобализации и современных коммуникационных процессов? Цель исследования заключается в том, чтобы определить наиболее существенные черты политического субъекта, обусловленные его трансформацией в контексте современной политической практики.

Несмотря на теоретическое и практическое значение решения обозначенной проблемы, она недостаточно исследована. Научные исследования в области данной проблематики можно объединить в три группы: к первой группе относятся работы, посвященные исследованию разных аспектов глобализации (К. Гаджиев, В. Миронов, А. Чумаков); ко второй – работы, где исследуется суть политики и политического (А. Бадью, Ж. Бодрийяр, М. Кукарцева, Ж. Рансьер, Ю. Хабермас); к третьей – труды, посвященные субъекту, в том числе политическому (А. Бадью, В. Лекторский, З. Сокулер, Д. Тариццо, Ю. Хабермас).

Авторами исследована и определена содержательная характеристика понятия политического субъекта, которая коррелирует с современной политической практикой и глобализационными процессами. Данная характеристика включает в себя, на наш взгляд, следующие компоненты. Во-первых, политический субъект – это коллективный субъект («мы»). Во-вторых, политический субъект выражает себя через говорение, речь (что указывает и на его трансцендентальное качество). В-третьих, предпосылкой существования политического субъекта выступает несогласие. В-четвертых, политический субъект выходит на новый уровень; появляется новый политический актор – транснациональные корпорации, которые в основе своей не являются политическими образованиями.

Мы приходим к выводу, что политика и политический субъект не заканчиваются, а трансформируются в ходе глобализационных процессов. Существенные черты политического субъекта – коллективность, говорение, несогласие – переходят на новый уровень своего бытия, связанный, прежде всего, с транснациональными корпорациями.

Ключевые слова: транснациональные корпорации, властвующая элита, несогласие, конец политики.

Процессы глобализации сопровождаются изменениями во всех сферах общественной жизни, в том числе политической. Происходит перегруппировка политических акторов, меняется структура и состав политического субъекта. Такая трансформация обращает наше внимание на глубинные основания политики, ее суть. Достаточно широко распространены суждения о «конце политики» (Ж. Бодрийяр, Ж. Рансьер), который логично предполагает и конец политического субъекта. На наш взгляд, речь может идти не о конце политики и политического субъекта, а об их трансформации. Изменения в обществе обусловлены и кризисом определенного типа цивилизационного развития, и все большим распространением глобализационных процессов, и поиском новой модели социального бытия [13, с. 35–42; 18, с. 3–23]. В условиях глобализации идет перегруппировка политических акторов, меняется структура и состав политического субъекта.

Выявление и анализ изменений, которым подвергается политический субъект, позволяет дать ответы на ряд вопросов. Во-первых, это вопрос о трансформациях в основании самой политики. Так или иначе, речь идет о новой модели политики и ее новой концептуализации. Во-вторых, это вопрос о том, что делает политического субъекта таковым. Изменение коммуникации, информации, дискурсивной практики меняет субъекта, в том числе политического. В условиях глобализации ставятся под вопрос такие политические субъекты, как нация, национальное государство. Власть сосредоточена у того, кто имеет право говорить, право на истину, кто и становится реальным политическим субъектом.

Обращаясь к истории философии, мы видим, что понятие субъекта может включать в себя различные образования и структуры. В своей статье мы не ставим цель исследовать онтологические вопросы, касающиеся Я, и связанные с ними философские подходы к пониманию субъекта. Наша цель – опираясь на реальную политическую практику общества XXI века, выявить тенденции в изменении политического субъекта, выяснить характерные черты носителей политических действий и их [носителей] варианты.

Несмотря на теоретическое и практическое значение решения обозначенной проблемы, она недостаточно исследована. Научные исследования в области данной проблематики можно объединить в три группы: к первой группе относятся работы, посвященные исследованию разных аспектов глобализации (К. Гаджиев, В. Миронов, А. Чумаков); ко второй – работы, где исследуется суть политики и политического (А. Бадью, Ж. Бодрийяр, М. Кукарцева, Ж. Рансьер, Ю. Хабермас); к третьей – труды, посвященные субъекту, в том числе политическому (А. Бадью, В. Лекторский, З. Сокулер, Д. Тариццо, Ю. Хабермас).

В целом, выделяют такие субъекты, как отдельный человек (индивид) в те или иные моменты его жизни, великие личности, социальные институты, общественные организации, государства. Тем не менее, с нашей точки зрения, только коллективный политический субъект может рассматриваться как таковой. В первой статье сборника «Между натурализмом и религией» Юрген Хабермас на примерах из собственной жизни показывает и доказывает, что личность никогда не формируется самостоятельно: «Во внутреннем мире отдельного субъекта отражается внешний мир... Личностью он становится, вступая в публичное пространство социального мира, ожидающего его с распростертыми объятиями» [11]. В связи с этим, мы поддерживаем позицию Хайдеггера, который вел лекции исключительно от первого лица множественного числа, и приходим к выводу, политический субъект, в принципе, не может быть «Я», он всегда «Мы» [2, с. 46–56]. Итальянский философ Давиде Тариццо в статье «Что такое политический субъект», рассуждая о сущности последнего, также отмечает такую его черту, как «мы». Автор склонен полагать, что политический субъект не может быть, и это верно, выражен в Я, политический субъект – это всегда мы.

Ссылаясь на точку зрения Лакана, Тариццо отмечает еще одну чрезвычайно важную в контексте нашего исследования характеристику субъекта – говорение. Философ утверждает: «Я бы сказал, что политический субъект – это просто «мы» – субъект политического говорения» [19]. Последнее означает, как минимум, что для того, чтобы быть субъектом политики, необходимо, но недостаточно просто быть «мы». Тариццо в своей статье упоминает Декларацию независимости США в связи с определением политического субъекта, который, по мнению философа, – это не только нация, государство или другая обособленная и признанная сторонними наблюдателями группа, как многие считают, но нечто другое. В Декларации мы можем прочесть: «Мы, представители соединенных Штатов Америки...» [19] – в то время этих людей еще нельзя было назвать нацией, но почему в таком случае Тариццо считает их субъектом? Именно потому, что они «говорили». Таким образом, Тариццо не ограничивает политическое «мы» какими-то формальными рамками, документами, политическим признанием и тому подобным. Раса, гражданское общество, класс... Все они могут быть (что важно, могут и не быть) политическим субъектом, если имеют голос. В связи с этим в нашем исследовании мы должны подробнее разобрать вопрос о том, что именно делает Мы политическим субъектом.

Как было сказано выше, субъект должен обладать голосом. Хабермас, в свою очередь, рассуждая о коммуникации, отдает последней роль выражения мнений: «Лишь те, кто владеет речью, могут молчать. Только потому, что изначально мы связаны с другими, мы можем обособляться. ...Но в первую очередь язык все-таки пригоден для такой коммуникации, при которой каждый по отношению к притязаниям других на значимость (Geltungsansprüchen) может занять позицию “да” или “нет”» [11].

Двигаясь далее в том же направлении, мы обнаруживаем, что Жак Рансьер тоже подчеркивает связь политики с речью, говорением и в качестве основополагающей черты возможности самой политики и политического субъекта выделяет несогласие. В целом, политика, с точки зрения философа, основывается на несопоставимости общества в том виде, в каком оно существует, и общества в том виде, в каком оно должно быть. И политика, соответственно, существует там, где есть несогласие: это не различие точек зрения, обусловленное различием социальных интересов и социальным положением, а несоответствие в толковании, в названии одних и тех же вещей. Философ пишет: «Несогласие не есть конфликт между тем, кто говорит “белое”, и тем, кто говорит “черное”. Это конфликт между теми, кто

оба говорят “белое”, но понимают под этим не одно и то же или не понимают, что другой подразумевает под белизной то же самое» [9, с. 15]. Упразднение политики, таким образом, заключается в достижении консенсуса или, иначе, в отсутствии несогласия. Более того, по мнению Рансьера, все вышесказанное уже не является просто догадкой или теорией: несогласия нет. Политика движется в сторону своего неизбежного предела [5, с. 17–27]. Наступает “конец политики” [9]. Говоря метафорически, отсутствие несогласия проявляется в отсутствии голоса, способного его выразить. Несогласие исчезает, но не как стирание социальных неравенств, а как все большее проявление общечеловеческого, гуманистического, одинакового – всего того, что несет в себе глобализация [15, с. 231–249].

Как бы тавтологично это ни звучало, но Несогласие Рансьера – это то, с чем мы не можем согласиться полностью. Вызывает сомнение возможность достижения абсолютного консенсуса в демократическом обществе, даже в виде сведения политического к социальному [20, с. 933–954]. Действительно, в рамках одного государства, одной нации мы не можем наблюдать несогласия в той мере, в которой оно должно проявляться, для того чтобы быть демонстративным. Нам достаточно привести несколько очевидных примеров.

В частности, мы замечаем недоверие к местной администрации, которая, казалось бы, должна быть близка к гражданам, должна отвечать на вызовы общества [17, с. 22–47]. Люди предпочитают либо не решать проблемы вообще, либо решать их по мере возможности собственными силами, так как обращения к администрации не дают никаких видимых изменений, хотя, с точки зрения аргументированной демократии, граждане фактически обязаны участвовать в принятии и оправдании законов, правосудии и других общественно значимых вещах [14, с. 20–41; 17, с. 155–172]. Бюрократия, следовательно, является еще одним фактором, заставляющим индивида думать, что он не может повлиять на ситуацию.

Следующий наш пример покажет, что несогласие отсутствует и на более высоком уровне, в самих социальных слоях общества. Французский философ Ален Бадью выделил определенные группы, которые, по его мнению, теоретически способны выразить свое мнение и заявить о себе. Во-первых, студенческая и лицейская молодежь, которую волнует будущее. Во-вторых, молодежь из народа, которая считает, что ей есть из-за чего и ради чего восстать. В-третьих, масса обычных наемных работников. В-четвертых, пришлые пролетарии, африканцы, азиаты, способные к ведению длительной борьбы за права [1]. Тем не менее и эти группы неспособны на конкретные действия до тех пор, пока между ними не наладится хоть какая-то связь, пока они не обретут голос.

Более того, свой «голос» теряют даже национальные государства. В настоящий момент мы должны признать, что большую роль играют субъекты планетарного масштаба, если можно их так назвать [13, с. 35–42]. В свое время Чарльз Райт Миллс писал о представителях определенных структур, имеющих значительную власть, определяющую многие события. «Большая тройка», которая является движущей силой происходящих событий: Правительство. Армия. Корпорации. Людей, управляющих этой мощью, Р. Миллс назвал «Властвующей элитой» [6].

Выведение субъекта политики на более высокий уровень приводит к тому, что он все в большей степени зависит от экономики. Интеграционные процессы, являющиеся качественной характеристикой глобализации, привели экономику к возникновению таких явлений, как транснациональное производство и транснациональное ведение бизнеса, что, в свою очередь, сказывается на построении политической картины мира. В. В. Миронов в работе «Трансформация экономики, политики и права в условиях глобализации» отмечает, что экономические процессы производства структурируются, каждая страна в этом общем процессе занимает свою строго определенную нишу. Иерархия такого рода является хрупкой, так как страны стремятся занять более высокое местоположение и для сохранения устойчивости доминирующий лидер либо силой, либо какими-то относительно выгодными условиями сдерживает это стремление стран, находящихся на периферии к смене своего места и значения. Таким образом, глобализационные процессы создают структуру политического миропорядка с выделением явного лидера (состоящего из одного государства или из нескольких стран), обладающего доминирующей позицией, и стран-аутсайдеров [7, с. 99–107; 20, с. 933–954].

Применительно к теме нашего исследования важно то, что, с точки зрения трансформистов, «глобализация связана не только с новым “режимом суверенитета”, но и с возникновением полновластных нетерриториальных форм экономической и политической организации в глобальной сфере, таких, как транснациональные корпорации, транснациональные общественные движения, интернациональные органы регулирования и т. д. В этом смысле мировой

порядок не может более восприниматься как вращающийся только вокруг государств или даже как в первую очередь управляемый государством, поскольку власть все более и более распределяется между общественными и частными органами на местных, национальных, региональных и глобальных уровнях. Национальные государства не являются отныне единственными центрами или главными формами правления или органами власти в мире» [12, с. 47–56].

Национальные государства, действительно, не в силах в полной мере контролировать то, что происходит внутри их собственных границ и сильнее всего образом влияет на ход их истории.

Возникновение различных межгосударственных организаций, их распространение по всему миру усиливают процессы глобализации и, соответственно, ослабляют политические возможности национальных государств. Страны-лидеры из всех сил стараются сдерживать стремления стран, находящихся на периферии, к продвижению вверх по иерархической лестнице. Установка на то, что национальные правительства не могут самостоятельно справиться с внутренними и внешними проблемами, дает сомнительное право на вмешательство стран-лидеров в их внешнюю и внутреннюю политику. В качестве последних актуальных примеров мы можем привести ситуации в Сирии, в Северной Африке, на Украине.

Конфликты, их причины, а также взаимодействие при разрешении этих конфликтов различных государств и структур сейчас активно исследуются. Актуальным среди ученых является вопрос о том, как может быть расценено вмешательство других стран во внутригосударственные дела [20, с. 933–954]. Попытки оказать воздействие на исход конфликтов, влияние на оппозицию, навязывание своей точки зрения – это действия, которые могут быть определены как справедливые и объективные? В сентябре 2015 года в интервью российским журналистам президент РФ В. В. Путин после встречи с бывшим президентом США Б. Обамой сказал: «Я уважаю моих коллег, президента США и президента Франции, но я не думаю, что они являются гражданами Сирии, также я не думаю, что им следует принимать решение по поводу того, кто должен руководить Сирией», указав, таким образом, на то, что вмешательство во внутригосударственные дела не является однозначным.

Г. Д. Саймонс в статье «Военная интервенция и Сирия: вперед к откровенной агрессии?» пишет: «Этот конфликт чрезвычайно жесток, и за ним скрываются различные внешнеполитические интересы сторон, непосредственно участвующих в нем. Хотя, скорее всего, это будет представлено как гуманитарное вмешательство, которое якобы имеет целью облегчить страдания сирийского народа...» [10, с. 31–46]. Вопрос, связанный с Сирией, значительно модифицировался за все время своего развертывания. Сирийский конфликт не просто вышел за границы одного государства, его влияние распространилось и на страны, участвующие в его разрешении [4]. Отношения России, США и союзников обеих сторон, и без этого отличающиеся сложностью, долгое время находятся в стабильно неустойчивом состоянии.

В настоящее время мы не можем не заметить еще одной силы, конкретного субъекта политики, который, учитывая все вышесказанное, активно набирает вес на мировой арене. Транснациональные корпорации (ТНК). Интересно, что ТНК относятся к частному сектору и, не являясь, фактически, органом управления, все же оказывают более чем существенное влияние на развитие всех мировых процессов, на международные отношения, действия государств, общественных организаций. Транснациональные корпорации не просто вышли из-под контроля государства и встали с ним в один ряд, они все чаще занимают доминирующую позицию. Действия корпораций, их объединения или поглощения ими различных структур определяют направление крупного бизнеса, приводят к постепенному формированию олигополий. Корпорации стирают не только географические границы, но и отраслевые, что в итоге приводит к монопольному контролю одной организацией целого блока товаров. «Что еще более важно, этот процесс неизбежно формирует вполне четко локализуемую в социальном пространстве политически значимую группу, объединенную общим интересом, который, однако, не имеет какой-либо очевидной национально-государственной привязки» [8, с. 34–42] ввиду того, что, как уже было сказано ранее, географические, а значит, и национальные, государственные границы стираются. ТНК выступают в рамках свободного пространства, но, несмотря на условное отсутствие привязанности к месту, такие корпорации оказывают влияние на политические и административные механизмы просто тем фактом, что с подобной мощью рыночной организацией невозможно не считаться. Таким образом, при обращении экономической власти в политическую формируется транснациональная элита – один из основных субъектов политики [8, с. 34–42].

ТНК, на наш взгляд, являются либо выражением властвующей элиты, о которой Р. Миллс написал одноименную книгу, либо субъектом нового уровня. Последнее является наиболее вероятным, так как, несмотря на то что элиты и ТНК имеют общие черты, различия, которые также имеют место, выглядят весьма значительными.

Отметим, что сам Миллс описывал элиты исключительно на примере США. Несмотря на это, мы по аналогии можем распространить их описание и на другие страны, возможно, с незначительными расхождениями, которые не затрагивают сути. Вместе с этим в настоящее время сами корпорации претерпели значительные видоизменения, которые заметны уже из их названия. ТНК не имеют национальных границ. В классическом понимании властвующей элиты, последние – это всегда явление замкнутой, в отношении государственных границ, системы. Вышесказанное означает, что ТНК являются не просто властвующей элитой какого-то одного государства, элиты модифицируются, расширяются и обретают вместе с этим еще больше власти, ответственности за происходящие или происходящие события. «Транснациональный формат ведения бизнеса создает и транснациональную элиту, политический субъект, консолидированный куда больше, чем это предполагают классические доктрины конкурентной борьбы между отдельными корпорациями» [8, с. 34–42]. Элиты в лице ТНК выходят на макроуровень.

Таким образом, экономические, социальные, политические, идеологические процессы приобретают глобальный характер, политические агенты, как активные представители политической сферы жизни общества, стремятся к надгосударственному уровню осуществления деятельности, и даже такие политические акторы, как национальные государства, сдают свои позиции. Национальные государства теряют свой вес, растворяются в трансэкономике, трансполитике, транскультуре и так далее, но эти связи сродни «веревкам» в руках кукловода, которые с одной стороны сковывают, а с другой стороны направляют – и в результате самостоятельные, свободные движения практически невозможны. Вместе с тем натяжение нитей определяется некоторыми столпами (странами), на которых все и завязано и которые как раз и имеют право говорить. Число и состав этих направляющих может исторически изменяться. Например, Россия, по мнению К. С. Гаджиева, выраженном в статье «Большие трещины на великой шахматной доске», завоевала свое место в числе этих стран, проявив свои несогласие, непокорность и, в конце концов, свою точку зрения. Кроме того, важнейшую роль в этом всемирном «сковывании» играют межгосударственные связи и организации, в числе которых различные транснациональные корпорации, трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство, проект транстихоокеанского партнерства и многие другие [3, с. 29–42].

В условиях глобализации меняются и политика, и политический субъект. Трансформация политического субъекта тем не менее позволяет выявить его характерные черты. Это, во-первых, коллективность, политический субъект – это всегда «мы». Но имеет место перегруппировка, меняется состав «мы»; непрозрачной является коммуникация социальных групп, позволяющая им стать целостностью «мы». Субъект как «мы», во-вторых, связан с речью, говорением, голосом. На наш взгляд, консенсус, свидетельствующий, по мнению Ж. Рансьера, об отсутствии несогласия, а значит, и политики, не более чем видимость и его нельзя рассматривать как совпадение противоположностей. Несогласие сохраняется, и ему присущи разные формы, явные и неявные; молчание также не есть отсутствие несогласия. Несогласие, в-третьих, так же как и агенты политики, выходит на новый уровень и проявляется вместе с все больше распространяющейся глобализацией. В-четвертых, постепенно активный центр занимают надгосударственные организации, которые, преследуя свои цели, медленно стирают национальные границы. Речь идет об особых образованиях – транснациональных корпорациях, играющих политическую роль и ставших, по сути, политическим субъектом. С их деятельностью связаны основания современной политики, благодаря им меняется вся политическая вертикаль, перестраивается политическая реальность, что может быть предметом специального исследования.

Список литературы

1. Бадью А. Загадочное отношение философии и политики. URL: <http://www.twirpx.com> (дата обращения: 30.04.2017).
2. Боянич П. Что такое или кто такие «Мы»? Хайдеггер и реконструкция понятия «народ» (Volk) // Вопросы философии. 2016. № 6. С. 46–56.
3. Гаджиев К. С. Большие трещины на «Великой шахматной доске» // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 1. С. 29–42. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-1-29-42.

4. Демченко А. В. Конфликт в Сирии: стагнация миротворчества и экспансия исламистов // Перспективы. 2015. № 4. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25083571> (дата обращения: 30.04.2017).
5. Кукарцева М. А., Дмитриева И. А. Политическое как эстетическое // Вопросы философии. 2015. № 7. С. 17–27.
6. Миллс Р. Властвующая элита. М.: Изд-во иностранной литературы. 1959. 544 с.
7. Миронов В. В. Трансформация экономики, политики и права в условиях глобализации // Вестник Российской академии наук (ранее: Вестник Академии наук СССР). 2016. Т. 86. № 2. С. 99–107. DOI: 10.7868/S0869587316020092.
8. Панкевич Н. В. ТНК: гражданско-политический контроль в условиях денационализации // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 3. С. 3442.
9. Рансьер Ж. Несогласие: политика и философия. СПб.: Machina, 2013. 192 с. URL: http://rebels-library.org/files/rancier_nesoglasje.pdf (дата обращения: 20.08.2017).
10. Саймонс Г. Д. Военная интервенция: вперед к откровенной агрессии? // Пространство и время. 2013. № 2. С. 31–46.
11. Хабермас Ю. Между натурализмом и религией. Философские статьи // Весь мир. 2011. 336 с.
12. Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрей Э., Перратон Дж. Глобальные трансформации. Политика, экономика и культура // Мониторинг общественного мнения. 2003. № 5–6 (67–68). С. 47–56. URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2003/68/s47-56_Journal_Monitoring68.pdf (дата обращения: 17.07.2017).
13. Чумаков А. Н. Культурно-цивилизационный диалог как способ решения проблем в Современном мире // Вопросы философии. 2013. № 1. С. 35–42.
14. Billingham P. Does political community require public reason? On Lister's defence of political liberalism // Politics, Philosophy and Economics. 2016. Vol. 15. Is. 1. Pp. 20–41. DOI: <https://doi.org/10.1177/1470594X15573460>.
15. Huber J. Theorising from the Global Standpoint: Kant and Grotius on Original Common Possession of the Earth // European Journal of Philosophy. 2017. Vol. 25. Is. 2. Pp. 231–249. DOI: 10.1111/ejop.12176.
16. Lister A. Public Reason and Reciprocity // The Journal of Political Philosophy. 2017. Vol. 25. Is. 2. Pp. 155–172. DOI: 10.1111/jopp.12111.
17. Rowbottom J. Government Speech and Public Opinion: Democracy by the Bootstraps // The Journal of Political Philosophy. 2017. Vol. 25. Is. 1. Pp. 22–47. DOI: 10.1111/jopp.12101.
18. Sangiovanni A. How Practices Matter // The Journal of Political Philosophy. 2016. Vol. 24. Is. 1. Pp. 3–23. DOI: 10.1111/jopp.12056.
19. Tarizzo D. What is a Political Subject // Politica comun. 2012. Vol. 1. DOI: <http://dx.doi.org/10.3998/pc.1232227.0001.001>.
20. Thrasher J., Vallier K. The Fragility of Consensus: Public Reason, Diversity and Stability // European Journal of Philosophy. 2015. Vol. 23. Is. 4. Pp. 933–954. DOI: 10.1111/ejop.12020.

Transformation of the political subject in the conditions of globalization

O. N. Golyшева¹, O. A. Ostanina²

¹postgraduate student of the Department of cultural studies, sociology and philosophy,
Vyatka State University. Russia, Kirov. E-mail: golyшеваolya@gmail.com

²Doctor of philosophy, professor of the Department of cultural studies, sociology and philosophy,
Vyatka State University. Russia, Kirov. E-mail: oa.ostanina@yandex.ru

Abstract. Globalization processes are accompanied by changes in all spheres of public life, including political life. There is a regrouping of political actors, changing the structure and composition of the political subject. The problem that interests us is: what are the foundations of politics and political subject and how do they manifest themselves in the context of globalization and modern communication processes? The aim of the study is to identify the most significant features of the political subject, due to its transformation in the context of modern political practice.

Despite the theoretical and practical importance of solving this problem, it is insufficiently investigated. Scientific researches in the field of this problem can be grouped into three groups: the first group includes works devoted to the study of different aspects of globalization (K. Gadzhiev, V. Mironov, A. Chumakov); the second is works that explore the essence of politics and the political (A. Badyu, J. Baudrillard, M. Kukartseva, J. Rancier, Yu. Habermas); the third is works devoted to the subject, including political one (A. Badyu, V. Lektorsky, Z. Sokuler, D. Tarizzo, Yu. Habermas).

The authors investigated and determined the content characteristic of the concept of a political subject, which correlates with modern political practice and globalization processes. This characteristic includes, in our

opinion, the following components. First, the political subject is the collective subject ("we"). Secondly, the political subject expresses himself through speaking, speech (which also indicates his transcendental quality). Thirdly, disagreement is a prerequisite for the existence of a political subject. Fourthly, the political subject reaches a new level; a new political actor is emerging – transnational corporations, which are not fundamentally political entities.

We come to the conclusion that politics and the political subject do not end, but are transformed in the course of globalization processes. The essential features of the political subject are collectivity, speaking, disagreement-move to a new level of their being, associated primarily with transnational corporations.

Keywords: transnational corporations, ruling elite, disagreement, end of politics.

References

1. Badiou A. *Zagadochnoe otnoshenie filosofii i politiki* [Mysterious relation of philosophy and politics]. Available at: <http://www.twirpx.com> (date accessed: 30.04.2017).
2. Boyanich P. *Chto takoe ili kto takie "My"? Hajdegger i rekonstrukciya ponyatiya "narod" (Volk)* [What is or who are "We"? Heidegger and the reconstruction of the concept of "people" (Volk)] // *Voprosy filosofii – Questions of philosophy*. 2016. No. 6. Pp. 46–56.
3. Gadzhiev K. S. *Bol'shie treshchiny na "Velikoj shahmatnoj doske"* [Big cracks on the "great chessboard"] // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya – World economy and international relations*. 2017. Vol. 61. No. 1. Pp. 29–42. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-1-29-42.
4. Demchenko A. V. *Konflikt v Sirii: stagnaciya mirotvorchestva i ekspansiya islamistov* [Conflict in Syria: stagnation of peacekeeping and the expansion of the Islamists] // *Perspektivy – Prospects*. 2015. No. 4. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25083571> (date accessed: 30.04.2017).
5. Kukarceva M. A., Dmitrieva I. A. *Politicheskoe kak esteticheskoe* [Political as aesthetic] // *Voprosy filosofii – Questions of philosophy*. 2015. No. 7. Pp. 17–27.
6. Mills R. *Vlastvuyushchaya elita* [The ruling elite]. M. Publishing house of foreign literature. 1959. 544 p.
7. Mironov V. V. *Transformaciya ekonomiki, politiki i prava v usloviyah globalizacii* [Transformation of economy, politics and law in the conditions of globalization] // *Vestnik Rossijskoj akademii nauk (ranee: Vestnik Akademii nauk SSSR) – Herald of the Russian Academy of Sciences (formerly: Herald of the USSR Academy of Sciences)*. 2016. Vol. 86. No. 2. Pp. 99–107. DOI: 10.7868/S0869587316020092.
8. Pankevich N. V. *TNK: grazhdansko-politicheskij kontrol' v usloviyah denacionalizacii* [TNK: civil-political control in the conditions of denationalization] // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya – World economy and international relations*. 2012. No. 3. Pp. 34–42.
9. Rancier J. *Nesoglasie: politika i filosofiya* [Dissent: politics and philosophy]. SPb. Machina, 2013. 192 p. Available at: http://rebels-library.org/files/rancier_nesoglasie.pdf (date accessed: 20.08.2017).
10. Simons G. D. *Voennaya intervenciya: vpered k otkrovennoj agressii?* [Military intervention: forward to outright aggression?] // *Prostranstvo i vremya – Space and time*. 2013. No. 2. Pp. 31–46.
11. Habermas Yu. *Mezhdunarodnyj dialog i religii. Filosofskie stat'i* [Between naturalism and religion. Philosophical articles] // *Ves' mir – The whole world*. 2011. 336 p.
12. Held D., Gol'dblatt D., Makgryu E., Perraton Dzh. *Global'nye transformacii. Politika, ekonomika i kul'tura* [Global transformations. Politics, economy and culture] // *Monitoring obshchestvennogo mneniya – Monitoring of public opinion*. 2003. No. 5-6 (67-68). Pp. 47–56. Available at: https://wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2003/68/s47-56_Journal_Monitoring68.pdf (date accessed: 17.07.2017).
13. Chumakov A. N. *Kul'turno-civilizacionnyj dialog kak sposob resheniya problem v Sovremennom mire* [Cultural and civilizational dialogue as a way to solve problems in the Modern world] // *Voprosy filosofii – Questions of philosophy*. 2013. No. 1. Pp. 35–42.
14. Billingham P. Does political community require public reason? On Lister's defence of political liberalism // *Politics, Philosophy and Economics*. 2016. Vol. 15. Is. 1. Pp. 20–41. DOI: <https://doi.org/10.1177/1470594X15573460>.
15. Huber J. Theorising from the Global Standpoint: Kant and Grotius on Original Common Possession of the Earth // *European Journal of Philosophy*. 2017. Vol. 25. Is. 2. Pp. 231–249. DOI: 10.1111/ejop.12176.
16. Lister A. Public Reason and Reciprocity // *The Journal of Political Philosophy*. 2017. Vol. 25. Is. 2. Pp. 155–172. DOI: 10.1111/jopp.12111.
17. Rowbottom J. Government Speech and Public Opinion: Democracy by the Bootstraps // *The Journal of Political Philosophy*. 2017. Vol. 25. Is. 1. Pp. 22–47. DOI: 10.1111/jopp.12101.
18. Sangiovanni A. How Practices Matter // *The Journal of Political Philosophy*. 2016. Vol. 24. Is. 1. Pp. 3–23. DOI: 10.1111/jopp.12056.
19. Tarizzo D. What is a Political Subject // *Politica comun*. 2012. Vol. 1. DOI: <http://dx.doi.org/10.3998/pc.12322227.0001.001>.
20. Thrasher J., Vallier K. The Fragility of Consensus: Public Reason, Diversity and Stability // *European Journal of Philosophy*. 2015. Vol. 23. Is. 4. Pp. 933–954. DOI: 10.1111/ejop.12020.